

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
АДМИНИСТРАЦИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ОБЛАСТНАЯ МАССОВАЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Выпуск 1

**"Белые пятна"
в истории Великой
Отечественной войны**

ЕКАТЕРИНБУРГ
1994

История Великой Отечественной войны отмечена не меньшим количеством "белых пятен", чем любой другой ключевой момент советской истории.

Казалось бы, о войне написано все возможное - прошло уже 50 лет с ее окончания. Однако оказывается, что история войны нуждается в серьезных дополнениях и уточнениях, а большое количество "белых пятен" обнаружено и заполнено недавно вышедшими новыми книгами о войне. По мнению академика А. Н. Самсонова: "Безусловно, при этом все главное, что составляло содержание войны: ее причины, характер, подвиг народа в борьбе за независимость Родины - раскрыто и показано объективно и правдиво. Вместе с тем на новом этапе развития нашего общества, когда понятия демократии и гласности перестали быть абстрактными и на деле воплощаются в жизнь, работники искусства, литературы, истории получили возможность коснуться тех граней проблемы, которые ранее были недоступны, осветить события Великой Отечественной войны во всей их сложности и противоречивости, не исключая трагических ошибок и просчетов, которые так дорого обошлись нашему народу". Некомпетентность Сталина и обескровленность армии репрессиями, приведшие к трагедии первых лет войны, неисчислимые человеческие жертвы, как реальная цена побед и поражений, сознательно отданный на закланье голоду Ленинград: штрафные роты и заградительные батальоны, вызванные к жизни приказом №227: спешайки для партийной знати и смертный голод в детдомах сирот войны; трагедия выселенных народов и муки советских военнопленных поочередно в фашистских и сталинских лагерях. Невозможно даже примерно охватить тот перечень тем, в которые ранее не был посвящен даже самый ревностный поклонник литературы о войне

Пришло время пристально взглянуть на новую правду о войне, привезающую нам со страниц художественных и документальных произ-

ведений.

Как нам кажется, наиболее полно и всесторонне осветить тему: "Белые пятна в истории Великой Отечественной войны" поможет обзор художественной и документальной литературы по данной теме.

"Литература о войне только начинается.

А то была лишь подготовка, и не артиллерийская, а так - минометная."

В. П. Астафьев

Под каждым словом писателя Астафьева можно подписаться. Ему нельзя не верить. Бывший солдат, Виктор Астафьев, не побоялся высказать в свое время "окопную" правду о войне, правду, пришедшую не по вкусу высокопоставленным военным. Писатель впервые заговорил о цене побед и поражений в Великой Отечественной войне, цене, сверх счета оплаченной кровью солдат. Безусловно, невозможно отрицать того, что существовавшая проза о войне, связанная с именами В. Некрасова, К. Симонова, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, В. Кондратьева, В. Быкова, В. Курочкина и других писателей, сыграла огромную роль в истории литературы. Эти писатели ставили перед собой благородную цель проследить насколько безнравственна и страшна война, как задает она человеку непосильную зачастую задачу - сохраниться как личности в бесчеловечных обстоятельствах военного времени; как война испытывала на гуманизм и человека, и общественную систему, его взрастившую. На определенном этапе развития военной литературы уже казалось, что вся правда о войне уже сказана, вся боль выговорена и трудно будет что-нибудь добавить к уже сказанному /Этот этап четко фиксируется критикой в начале 80-х годов/.

Но стремительно изменилось время. Оказывается, существовал

целый неопознанный материк литературы, который бесстрашно обнажал язвы отечественной истории, проникал в ее тайны. Тема Великой Отечественной войны не меньше других периодов в жизни советского государства окутана всевозможными "табу". Так значит ли это, что предшествующая проза лгала, обманывала своих читателей? Конечно же нет. Писатель Вячеслав Кондартьев в своей статье "О войне написано не все" справедливо замечает: "Главное, что вся сегодняшняя наша военная литература должна писаться на самом высоком уровне правды... Просто глубина постижения правды на каждом отрезке времени разная. И мы видим, как со временем она расширялась, углублялась, как бы открывая новые пласты. Это вообще закономерное развитие литературы, ее естественное движение вперед." Писатель, как бы заранее отмечает все крики и причитания об очернительской волне в советской литературе, о падении идеалов и разрушении основ... Это закономерный этап очищения правдой, пусть даже правдой самой горькой и страшной.

Какие же новые горизонты правды открываются перед нами, читателями новой прозы о войне?

Вероятно, начать разговор о новых тенденциях в современной литературе о Великой Отечественной войне необходимо с тех произведений, которые были подвергнуты незаслуженному замалчиванию, и лишь сегодня вернулись к читателю.

Во-первых, это повесть К. Воробьева "Это мы, господи...", во-вторых, повесть В. Некрасова "В окопах Сталинграда". Первое произведение никогда не публиковалось, второе - было запрещено после эмиграции автора.

Повесть Константина Воробьева "Это мы, господи..." была написана им во время войны, в 1943 г., когда автору, находящемуся

тогда на фронте, было всего 24 года. В "Новый мир" она поступила в 1946 г. и лишь спустя сорок лет появилась из временного плена в журнале "Наш современник". №10 за 1986г.

Унизительная ситуация вражеского плена все-таки гораздо обоснованней и понятней того плена у своих, в который после фашистского плена попадает главный автобиографический герой повести Сергей. Жажда свободы, которая поднимает его на побег из фашистского плена, становится особенно невыносимой, когда Сергей попадает в лагерь советский. Весь свой горький опыт, опыт человека, побывавшего в плену, вложил К.Воробьев в эту повесть, и так же, как и в романе В.Гроссмана схожесть методов насилия над человеком, идентичность концентрационных советских и фашистских лагерей заставляет читателя задуматься над исторической трагедией всего народа.

Повесть В.Некрасова "В окопах Сталинграда" была написана в 1946 г. Невозможно говорить о современной военной прозе, не вспоминая ее истоков. Между тем, все лучшие черты современной военной прозы /интеллигентность, нравственность, правдивость и искренность/ все эти черты впервые нашли свое выражение в повести В.Некрасова. Она была первой ласточкой в ряду произведений, несущих, так называемую "окопную правду". Удивительная искренность и безыскусность повествования придавала особый оттенок повести. Герои ее, казалось, пришли из самой жизни. Это были те самые обыкновенные офицеры и солдаты, которые выиграли войну ценой невероятных усилий, и их взгляд на мир становится критерием нравственной оценки исторических событий.

В этом смысле вся последующая, так называемая "лейтенантская" проза о войне вышла из повести "В окопах Сталинграда", как из го-

голевской "Шинели".

Современный период также отмечен возвращением многих мемуаров о войне, ранее находившихся под запретом из-за правды о наших поражениях, о трагических ошибках сталинского "руководства", о страшных последствиях репрессий, появившихся во время войны. Это и неопубликованные страницы мемуаров Г.К. Жукова, и мемуары Хрущева, А. Василевского, И. Конева. Эти публикации заставляют переосмыслить многие устоявшиеся представления о ходе войны.

Главной же чертой, проявившейся в сегодняшней документальной, полудокументальной и художественной прозе о войне, является та, что утверждающейся еще со времени В. Некрасова взгляд на войну сквозь призму отдельных человеческих судеб - становится все более строгими и смелыми. Человеческая личность, человеческая боль - вот главный критерий оценки не только конкретных локальных ситуаций, но и всего хода войны, крупнейших исторических фигур.

Глубоко показательна в этом смысле полудокументальная проза Е. Ржевской, вошедшая в ее последнюю книгу "Знаки препинания" /М.: Сов. писатель, 1989/, куда наряду в уже известными читателю работами, такими как "Второй эшелон", "Под Ржевом", "Маленькая история одного латыша" и другие, вошли и новые рассказы писательницы, прежде всего, хотелось бы отметить рассказ Е. Ржевской "В тот день, поздней осенью", которому сама писательница дала подзаголовок "Рассказ о встрече с маршалом Жуковым". Жуков еще при своей жизни стал человеком-легендой, и интерес к его личности не утихает до сих пор. Но несмотря на обилие мемуаров о Г.К. Жукове, рассказ Е. Ржевской несет в себе много новой информации.

Рассказ Е. Ржевской автобиографичен, писательница описывает в нем свою единственную встречу с маршалом. Но в этом рассказе нез-

римо присутствует как бы две точки зрения. Одна принадлежит бывшей переводчице штаба армии, входившей в состав 1-го Белорусского фронта, другая - писательнице с солидным запасом жизненного и художественного опыта. И то, как эти точки зрения взаимодействуют, дополняют друг друга и составляет живой нерв рассказа. В самом деле, бывшая фронтовичка легко узнается в том, как досадует она по поводу своей оборвавшейся пуговицы: "Предстань я там перед ним без пуговицы на шинели, вышла бы я из того знакомства вполне расквашенной". И это именно ей, столько слышавшей о Жукове на фронте, так интересно узнать, как он выглядит сейчас: "Увидеть маршала Жукова в штатском костюме было странным, совсем неожиданным. Он сросся в нашем представлении с военной формой..."

Но строгий опыт писателя не позволяет Е.Ржевской смотреть на Жукова лишь с обожанием. Скупыми мазками она набрасывает глубоко противоречивый портрет маршала: на фронте он был воплощенной жесткостью, жестокостью не только по отношению к врагам, но и к подчиненным /один из штабистов Жукова, по воспоминаниям Ржевской, рассказывал ей о том, что, отправляясь на ежевечерний доклад к Жукову, он, случалось, чуть не готов был на окрик часового "Пропуск..." ответить неверно - пусть стреляет. Вот так, аж тяжелее смерти было иной раз войти в этот дом - такой страх нагонял Жуков..."

Верный слуга Системы, руководствовался ее методами, он в то же время гениальный полководец и потому жертва той же Системы. Вспомним, сколько раз он подвергался ссылке и опале.

Характерный эпизод: Жуков будет удивляться и негодовать по поводу того, что от него скрыли факты по обнаружении трупа Гитлера, что об этом через его голову докладывали Сталину, мы поразим-

ся, насколько даже крупнейшие военачальники беспомощны перед лицом тоталитарной Системы, жестоко регламентирующей количество информации между своими членами.

Интересно, что выводы, сделанные Ржевской во время беседы с полководцем в целом совпадают с той концепцией этой исторической личности, которая предложена в масштабном, документальном повествовании В. Карпова.

В этой же книге внимание читателей, мы надеемся, привлечет еще один рассказ. Это рассказ "Жив, браток!", написанный в 1987 году. В этом рассказе писательница затрагивает проблему, четко сформулированную ею в статье "Вечерний разговор": "Наша военная доктрина не принимала во внимание понятие - плен. Как бы безисходно не было твое положение, плен официально считался предательством, хотя миллионное трагическое войско билось до последнего в окружении".

Главный герой рассказа Сашка Яконтов, минометчик 43-го полка 48-й гвардейской дивизии, после сильного ранения попадает в больницу, находящуюся в оккупированном немцами месте. Из этой больницы, комиссованного своими и немецкими врачами вчистую, его забирает в работники Ефросинья Яковлевна Яковенко из села Ракитное, Харьковской области. А когда приходят советские войска, Сашка попадает в советский лагерь для военнопленных, предателей Родины. По счастью, он попал в число тех 32-х счастливых, которых из лагеря освободили. Вот вроде бы, и весь рассказ. Но так как Е. Ржевская документально подкрепляет свой рассказ, не забывая назвать и номер части, в которой он воевал, и названия населенных пунктов, через которые он проходил, и даже номер лагеря /"Разгружались Рязань-2... Лагерь N472/, судьба героя этого рассказа "Сашки

Яхонтова воспринимается совсем по другому. Художественное произведение, подпитанное документально, становится беспощадным обличением бездушной, антигуманной воечной доктрины: "Сдался в плен, значит - враг". Тридцать два человека из тысяч освобождено. А если взять другие лагеря? И что дальше было с этими людьми? Ответы на эти вопросы мы находим и в повести К. Воробьева "Это мы, господа...", и, наконец, в "Архипелаге ГуЛАГ" А. Солженицына.

Художественная литература своими средствами постигает новую правду о войне. Писатель В. Быков уже давно исследует возможности человеческого духа, проявляющегося на войне. Те ситуации, в которых оказываются герои В. Быкова, всегда связаны с решающими испытаниями для героя на духовную и нравственную прочность.

Главный герой повести В. Быкова "В тумане" - бригадир железнодорожников Сушеня мучается тем, что его, невинного, подозревают в предательстве своих товарищей. Казалось бы все просто: ни в чем не признаваясь на допросах у гестаповцев он тем самым спас себе жизнь. Так думает сам герой. А все окружающие его люди, включая жену и партизан, с которыми Сушеня был в одном отряде, думают иначе. Раз Сушеню отпустили, а не повесили, как остальных партизан, значит, Сушеня - предатель. Логика простая и понятная по военным временам. Но писателя и героя эта логика не устраивает. Постепенно Сушеня понимает, почему гитлеровец так милосердно отпускает его, помахав на прощанье рукой. Потому что фашист понимает законы военного времени. Он понимает, что Сушеню убьют свои, и вот это будет для человека, молча и гордо сносившего невыносимые пытки, тем, что сломит его духовно перед физической смертью. И вот когда Сушеня это понимает, увидя партизан, пришедших его убивать за предательство, он делает единственно возможный для не-

го нравственный выбор - уходит вместе с ними покорно, не стараясь что-либо доказать. Случайность помешала умереть ему по законам игры военного времени. И вот мы видим, как в конце повести Суцения, оставшийся один, сидя рядом с мертвыми товарищами-партизанами, теперь уже сам выстрелит в себя: "Немец Гроссмайер исковеркал его судьбу, но не победил его воли. Его вольная воля - может, то единственное, что в нем осталось никому неподвластным. Все-таки он умрет по своему выбору... Пусть хотя бы это утешит его в горький час. Другого утешения себе он не находил..."

Самоубийство Суцении - это не капитуляция перед обстоятельствами, это - гордая, трагическая победа человека с его чувством совестливой ответственности над бесчеловечной логикой войны.

Но сегодняшнее расширение взгляда на человека в условиях войны связано не только с пониманием глубинной трагичности этого существования, но и с появлением произведений, в которых военное время рассматривается с неожиданных точек зрения, в том числе и с комической точки зрения.

Как только и от кого только не доставалось роману В. Войновича о солдате Иване Чонкине: это ни клевета на советского солдата, надругательство над историей Великой Отечественной войны, и т.д. и т.п. Но так ли это на самом деле? Даже самый критически настроенный читатель, внимательно прочитав роман, не обнаружит ни намёка на подобную крамолу. Напротив, создав образ Ивана Чонкина, современного Ивана-дурака, который пройдет огонь, воду и медные трубы, а в данном случае, абсурдное задание командира об охране никому не нужного самолета, попытку его пленения НКВДэшниками и в конце концов расстрел своими же солдатами... Ваня Чонкин ни в чем не отличается от своих фольклорных предшественников - и неказист,

и туповат, на первый взгляд, и служит без особого рвения... Но, как в сказке, может победить даже могущественное НКВД, читай - государственную систему. Вместе со своей Нюркой он держит оборону против частей Советской Армии, вызванных против "банды Чонкина". И эта удача, это бесстрашие Ивана дают возможность полнее узнать характер солдата действительного, не романного, оценить по достоинству созданный писателем В. Войновичем образ рядового Чонкина.

С именем писателя Анатолия Приставкина сейчас уже прочно связана "детская тема" в современной литературе. События двух его произведений: "Ночевала тучка золотая" и "Кукушата" происходят в конце войны, в сорок четвертом и сорок пятом годах. В центре обеих повестей дети-сироты. С образом ребенка в литературу всегда входила тема гуманизма и сострадания. У Анатолия Приставкина эта тема звучит особенно трагически. Страшная судьба детей-сирот войны и детей, несущих клеймо "отродья врагов народа" не может не ставить под сомнение ценность общественного строя, системы, воюющей с детьми.

В повести "Ночевала тучка золотая..." солдаты-победители, только что участвовавшие в боях с фашистами, принимают участие в выселении целых народов уже в своей стране. А в повести "Кукушата" писатель создает отвратительные образы приспособленцев, тыловых крыс, наживавшихся в условиях военного времени на детях, на сиротах, не только грабящих, но и подвергавшие их унижениям и издевательствам. Гибель ребенка для А. Приставкина - это приговор "самой гуманной" системе. Эти "цветы жизни" безжалостно раскопаны, расстреляны ею, и в этом уничтожении будущего звучит нестерпимый приговор самой эпохе.

В разговоре о "белых пятнах" Великой Отечественной войны пи-

возможно обойтись без произведений польских писателей: Казимета Мочарского и Ежи Анджевского. Их произведения как бы наполняют кровью строгие строчки из военных донесений о восстании в Варшавском гетто, о боях за Варшаву. В повести Ежи Анджевского "Страстная неделя" по-новому освещаются события в Варшавском гетто. Героизм и бесстрашие восставших евреев оттеняется равнодушием и антисемитизмом их соотечественников.

С этим произведением перекликается книга Казимета Мочарского "Беседы с палачом". Волею судьбы оказался автор книги в одной тюремной камере с гитлеровским военным преступником, своим недавним врагом... Страницы книги, на которых фашистский генерал Штрооп "проговаривается" о событиях в гетто полны невольного уважения нациста к безоружным людям, дерзко восставшим против рабского унижения и смерти.

В этом ряду стоят произведения Ан. Рыбакова "Тяжелый песок", пронзительные страницы романа В. Гроссмана "Жизнь и судьба", посвященные страшной судьбе евреев на войне, повесть Д. Гая "Девятый круг"... Говоря об этих произведениях, нельзя не вспомнить добрым словом повесть эмигрировавшего из Советского Союза писателя Анатолия Кузнецова "Бабий яр".

Среди произведений, незатронутых в данном обзоре, хотелось бы упомянуть повести А. Генатулина "Вот кончится война" и "Туннель" затрагивающие ранее закрытую тему, связанную с судьбой и бытом пленных немцев: роман Ивана Стадника "41-й год", являющийся классическим образцом "парадной" литературы о войне; книгу С. Алексеевич "Последние свидетели" - страшные исповеди "детей войны"; военные записки "Люди одного варианта" поэта Д. Самойлова.

Одним из первых этапов в подготовке и проведении конференции на тему: "Белые пятна Великой Отечественной войны на материале художественной литературы" мы предлагаем проведение дискуссии на тему: "Тоталитаризм и война" /новая художественная концепция войны в романе В. Гроссмана "Жизнь и судьба"/

Ведущему дискуссии советуем дать краткую справку об истории создания романа, конфискованного КГБ в 1961 году, о тех трудностях, которые книга вынесла при выходе ее к читателю.

В ходе дискуссии предполагается обсудить следующие вопросы:

1. В чем видит сущность тоталитарного государства В. Гроссман? Что такое "сверхсилы тоталитарных систем"?

При обсуждении этой проблемы ведущему дискуссии библиотекарь рекомендует обратить внимание участников дискуссии на иерархию насилия в тоталитарном государстве:

- 1) ничтожность человека перед лицом государства;
- 2) диктат партийной олигархии;
- 3) беззащитность человека перед лицом Системы;
- 4) тотальное проникновение насилия на все уровни общества - от института до концлагеря;

2. Какие принципиально сходные черты обнаруживает В. Гроссман у гитлеровского фашизма и сталинского тоталитаризма?

Уместно обратить внимание читателей на явные аналогии:

- 1) сходство идеологии, основанной на параллелях типа "народ всегда прав" и т. п.
- 2) безраздельная власть одной партии;
- 3) сходство в методах насилия: государственный национализм,

сходство карательных органов, провокации, слежка, доносы;

Ключевыми сценами при обсуждении этого вопроса должны стать сцены разговора гестаповца Лисса и старого большевика Мостовского; авторское отступление в главе 50-й первой части; сопоставление сцен в немецком и советском концлагерях; сравнение идеологии государственного национализма со стороны фашистов /гетто и душегубки/ и со стороны советских властей /история с преследованием Штрума/, национализм на фронте. "бытовой" национализм и т. п.

3. Почему центральные герои романа ведут войну на "два" фронта?

Главные герои романа ведут борьбу на "два" фронта, потому что в борьбе с внешним врагом - фашистской Германией они одновременно освобождаются от внутреннего страха перед тоталитарным сталинским государством:

- 1) майор Ершов: "...Борясь с немцами, он борется за свободную русскую жизнь; победа над Гитлером станет победой и над теми лагерями смерти, где погибли его мать, сестры, отец";
- 2) управдом Греков - растущая внутренняя свобода в окруженном фашистами доме;

4. Почему человек становится свободнее в ужасных условиях войны? Почему война становится горнилом свободы?

Привычные страхи рушатся, догмы распадаются, заклинания партийных ортодоксов становятся бессмысленными перед лицом смерти. Важно обратить внимание на прераобраз свободы в романе "дом Грекова". проследить, как неустанно чувствует себя на фронте

партийные функционеры - Неудобнов, Крымов, Гетманов, проанализировать, как изобразил В. Гроссман быт в осажденном Сталинграде /"беспартийное царство"/

5. Возможна ли свобода личности в условиях тоталитаризма? Какова ее цена?

Каждый из героев переживает хоть миг свободы, выдерживая экзамен на состоятельность как личности:

Новиков: задержка атаки на 8 мин.;

Штрум: см. его опасный разговор с Мальяровым и Каримовым;

Даренский: см. разговор с малознакомым полковником Бовой;

Софья Осиповна Левинтон: в момент выбора перед жизнью и смертью /см. сцену у фашистской газовой/ и т. п.

6. В чем смысл сталинградской победы по Гроссману?

Человек побеждал в себе раба, побеждал вопреки системе насилия, довлевшей над ним. Человек становится Человеком, так как бился за общечеловеческие ценности - за свой дом, за родных и т. д. Тем самым В. Гроссман отрицает стереотипное "За Сталина!", утверждая приоритет человеческого в человеке.

/Советуем обратить внимание на тот момент, что даже у фашистских захватчиков бывают подобные моменты - см. сцену в романе, когда окруженные немцы получают рождественские подарки/

Таким образом, Великая Отечественная война, и сталинградская битва, как переломный момент в ходе войны - это кульминация процесса пробуждения свободы в народе. И не случайно Гроссман с такой любовью и таким желанием описывает военный быт сталинградцев

- это естественная жизнь людей, ходящих под смертью и потому презирающих власть Гетманов и особотделов: "Мощь государственного гнева, заставлявшего склоняться и трепетать миллионы людей здесь, на фронте, когда пер немец, не стоила ни гроша".

Вся мощь тоталитаризма бессильна перед человеком на войне, так как силу человеку придадут не вбитые страхом императивы тоталитарного государства, а вечные, неуничтожимые законы человеческого бытия; во время войны за свободу Родины, за жизнь родных и близких выходящие на первый план, приобретающие ничем не заменимое и не отменяемое значение.

Ведущему следует подвести дискуссию к следующим принципиальным выводам: в романе "Жизнь и судьба" опровергается представление о преимуществах социализма; В. Гроссман в своем романе предложил и художественно обосновал новую концепцию Великой Отечественной войны. По логике его романа во время войны произошло столкновение двух равных по многим чертам антигуманных государств. Но сама ситуация Отечественной войны оказывается разрушительной для идеологии и диктатуры тоталитаризма /хотя тоталитарное государство и преобразует частично общественный подъем в государственный национализм/. Происходит осознание людьми антинародной, античеловеческой природы тоталитарного государства, основанного на сверхнасилии.

Но так как война против фашистов приобретает смысл войны за общечеловеческие ценности и против тоталитарной идеологии и морали, то путь освобождения от духовной власти и сверхнасилия, путь борьбы человека на два фронта становится главным условием победы в Великой Отечественной войне

Третьим этапом в подготовке читательской конференции на тему: "Белые пятна Великой Отечественной войны" на материале художественной литературы может стать обсуждение двух книг: книги белорусской писательницы С. Алексиевич "У войны не женское лицо" и книги уральского писателя Н. Никонова "Весталка".

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.
Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От прекрасной Дамы в "мать" и "перемать",
Потому что имя ближе чем Россия
Не смогла сыскать.

Д. Друнина

Женщина и война... Нет, наверное, ничего абсурднее этих двух слов, поставленных рядом. Но тем не менее мы знаем, какую огромную роль сыграли женщины в Великой Отечественной войне. Своим самоотверженным трудом в тылу они создавали будущую победу. В старых кинохрониках можно видеть женщин, запряженных в плуги вместо лошади. Именно так зачастую приходилось вспахивать землю. Женщины стояли у заводских станков по четырнадцать часов, плавил металл у доменных и мартеновских печей, падая в голодные обмороки. И мы, по привычке удивляясь, воспринимаем это все-таки как должное: так было необходимо по законам военного времени. Если бы не они, то кто же? Но вот что касается женщин на фронте... Известны данные о том, что более чем восемьсот с лишним тысяч женщин участвовало в

боевых операциях, то есть, говоря проще, воевало. А сколько среди них ранено, сколько убито? Страшно даже подумать об этом. Много прекрасных женских образов мы найдем в литературе о Великой Отечественной войне: в романе и повестях К. Симонова, Б. Васильева, Ю. Бондарева, В. Быкова... Но никто из писателей не ставил перед собой задачу посмотреть на войну женскими глазами, проследить, как ломала и калечила война женскую душу, как, наконец, мучительно тяжело давалось воевавшим женщинам возвращение в мирную жизнь, к исконно женским занятиям: рождению и воспитанию детей, обихаживанию собственного дома.

Однако, существовала ощутимая потребность именно в такой женской точке зрения на войну. С каждым годом все меньше и меньше становится участниц войны - сказываются раны, возраст. И именно перед литературой встала сверхзадача: донести правду о "женской" войне, правду беспощадную и жестокую по сравнению с эстетически выравненной, удивительно обаятельной ложью, обрушивающейся на нас с теле- и киноэкранов, да зачастую и со страниц литературных произведений. Действительно, если вспомнить героинь фильмов о Великой Отечественной войне, то на память приходят весьма привлекательно выглядевшие киногероини в ладно сидящих гимнастерках и аккуратных сапожках. Но вот что об этом думает одна из героинь С. Алексиевич, С. К. Дубнякова, санинструктор: "Смотрю теперь фильмы о войне: медсестра на передовой, она идет аккуратненькая, чистенькая, не в ватных брках, а в юбочке, у нее пилоточка на хохолке... Ну, неправда!... Разве мы могли вытащить раненого вот такие?... Не очень-то ты в юбочке наползаешь, когда одни мужчины вокруг. А по правде сказать, юбки нам в конце войны только выдали, как наградные. Тогда же мы получили и трикотаж нижний вместо

мужского белья. Не знали, куда деваться от счастья. Гимнастерки расстегивали, чтоб видно было..."

Вот эта огромная жажда подлинной правды о женщине на войне и вызвала к жизни, как нам кажется, произведения С.Алексиевич, Н.Никонова. Безусловно, писатели, каждый по-своему, использовали тот документальный материал, который лег в основу обеих книг. Но кто из них, в конечном счете, оказался ближе к трудноуловимой, но от этого не менее реальной жизненной правде? Ответ на этот вопрос может сложиться в ходе обсуждения книги С.Алексиевич со следующими вопросами:

1. В чем своеобразие книги С.Алексиевич? Какие еще писатели работают в жанре "магнитофонной литературы"? В чем преимущество таких произведений?

Несколько лет подряд автор книги "У войны не женское лицо" ходила с магнитофоном по квартирам участниц Великой Отечественной войны, записывая на пленку их воспоминания. В советской литературе уже существовали произведения, построенные на свидетельствах очевидцев тех трагических страниц войны. Это прежде всего книга "Я из огненной деревни" А.Адамовича, Я.Брыля и М.Колесника, а также "Блокадная книга" А.Адамовича и Д.Гранина.

Этот новый жанр прозы, основанный на коллективных воспоминаниях еще только создается. Даже в критике не найдено еще исчерпывающее определение этого жанра: "Жизнь, о себе повествующая", "Эпически-хоровая проза", "Документальное самоисследование", "Магнитофонная литература"... Любое из этих определений подчеркивает главную особенность этого жанра: автор говорит о трагических событиях, опираясь не на авторскую фантазию, не на собственное

видение войны, а на строго выстроенный и выверенный им хор ее участников. Даниил Гранин, размышляя о подобной литературе, так развивает свою мысль: "В этой книге участие автора минимально. Он почти незаметен, он дает выговориться своим героям, время от времени звучит его вопрос, скупые пояснения о рассказчике, и опять он умолкает, но он здесь. Молчание его ощущается, оно слышимо. его молчание - это застрявшие в горле слова..."

Книга С. Алексиевич - это талантливое доказательство возможностей этого жанра. Обладая поразительным даром сопереживания, С. Алексиевич умело выстраивает хор из женских голосов, повествующих о войне, добиваясь тем самым полного воздействия на душу читателя. Простые, безискусные рассказы участниц войны переворачивают все представления о "женской" войне. Правда может оказаться невыносимой, невозможной. Нетрудно себе представить, как бы воспринимали историю о женщине-партизанке, натирающей своего грудного ребенка солью для того, чтобы у него повысилась температура; и кожа была покрыта язвами, случись такая история в наши, мирные дни. Но тогда действовала совершенно иная логика: в условиях партизанской войны не приходилось выбирать способы проносить лекарства и ценные сведения. Мать, сознательно жертвующая своим ребенком; беременная женщина, которая проносила в партизанский отряд мины, привязывая их сбоку живота, там где билось сердце нерожденного ребенка. Страшно. Не хочется об этом думать, не хочется читать. "Когда посмотришь на войну нашими, бабьими глазами, так она страшнее страшного", - говорит одна из героинь С. Алексиевич, и вот это - правда.

2. В чем замысел книги Н. Никонова "Весталка"? Какой смысл вложил автор в название книги?

Николай Никонов писал свой роман, опираясь так же, как и Светлана Алексиевич, на рассказах участниц войны. Его собеседниками были сестры, сап-гарки военных поездов, работники госпиталей, санинструкторы... и цель писатель ставил перед собой подобную той, которая стояла перед С. Алексиевич. "Написать еще одну книгу о подвигах не входило в мою задачу, сказать же пусть горчайшую правду о бесчеловечном понятии - война, о том, что она может калечить душу и судьбу и после даже победного завершения, - именно это стало сутью романа "Весталка".

Название романа Н. Никонова звучит не совсем привычно. В самом деле, не сразу приходит на память древнеримская богиня Веста, покровительница домашнего очага. Служительницы этой богини, весталки, должны были как зеницу ока хранить свою честь и целомудрие. Чем же привлек Н. Никонова образ весталки? В послесловии к своему роману писатель пишет: "...Мне кажется, что образ тех девушек, которые непорочно служили богине Родины, семьи и домашнего очага Весте, передает высшую нравственную суть девочки, фронтовой сестры, главной героини романа."

Писатель постарался показать в образе "весталки" Лиды Одинцовой, как женщина может подняться вопреки обстоятельствам, остаться личностью, не согнуться и не сломаться, сохранить свою честь, не поддаться обаянию благополучного и спасительного житейского приспособленчества и порска. Это противостояние нравственности и порочности у Н. Никонова выразилось в двух образах - Лиды Одинцовой и Вали Вишняковой, несущий в себе вариант принципиально иного, нежели у ее подруги Лиды, отношения к жизни.

Война для Вали и ее ухажеров - возможность отсидеться на теплых местах, у сытных кормушек. Страницы, на которых Н.Никонов описывает хапуг, наживавшихся на народном горе - одни из самых сильных в романе.

3. Сопоставьте женские образы у С.Алексиевич и Н.Никонова. Выдерживает ли проза Н.Никонова проверку "правдой фронта"?

В отличие от Лиды Одинцовой, которая, проработав в госпитале с челюстно-лицевыми ранениями, уже представляла себе, какую ужасную долю готовит война для попавших на фронт, многие героини С.Алексиевич шли на фронт с песнями, весело, не представляя себе, с чем столкнутся буквально через мгновение. "Вызвали в военкомат и сказали: "Вот вам два часа времени, соберетесь и отправляем вас на фронт". Я собралась, сложила все в один маленький чемоданчик.

- Что вы взяли с собой на войну?

- Конфеты.

- Как?

- Целый чемодан конфет. Мне там, в той деревне, куда направили, дали подъемные. Деньги были, и я на все эти деньги купила целый чемодан конфет. А наверх положила фотографию курса, где все мои девочки."

Этот чемодан с конфетами, легкомысленно взятый на войну, говорит нам о трагедии женской души на войне гораздо больше, чем любые данные, взятые из сводок и сообщения. Не подробности военных операций, а подробности человеческой жизни о войне волнуют и трогают сегодня больше всего. Сама С.Алексиевич предупреждает: "... В этих рассказах будет мало собственного военного и специ-

ального материала...но в них избыток материала человеческого, того материала, который и обеспечил победу советского народа над фашизмом." Война повредила значительность каждого факта жизни, каждой мелочи быта, там быт и бытие сомкнулись.

Не сразу они становились солдатами. Потребовалось обуть керзачи сорокового размера или американские ботинки с длинными обмотками, "гусеницами", как их называли, шинель, обрезать косы /об этой потере ни одна не забывала упомянуть, как о самой жестокой, резко отделившей их мирное прошлое от войны/, ползать по-пластунски, не спать по несколько суток, копать окопы... существовала га будничная вещественность войны, о которой они, просясь на фронт, не подозревали. Из воспоминаний Нонны Александровны Смирновой, рядовой, зенитчицы: "В роте по своему росту и комплекции оказалась самой маленькой, рост сто пятьдесят три сантиметра, обувь тридцать четвертого размера...Мне достались ботинки сорок второго размера, надевала и снимала их, не расшнуровывая, через голенища, тяжелые, и я в них ходила, волоча ноги по земле..."

Много в повести таких драгоценных свидетельств о девчонках, ставших солдатами. Но несмотря на то, что они постепенно приучались к ежедневной и обыденной смерти, привыкали стрелять и попадать, очень много подлинно женского, девчоночьего оставалось в их душах. Особенно четко можно это заметить в ту минуту, когда они "проговариваются" о том, о чем мечтали там, на войне: "...У меня было три желания: первое - наконец, я не буду ползать на животе, а стану ездить в троллейбусе, второе - купить и съесть целый батон, третье - выспаться в белой постели и чтоб простыни хрустели".

Поразительно, что героини С.Алексиевич не растеряли лучших таких качеств - доброты, жалости, милосердия в условиях жесто-

чайшей войны. Даже для раненых врагов у них находилась капля жалости - не в этом ли проявление их глубочайшего гуманизма. Рассказ медсестры Тамары Степановны не может не внушать уважения к ее поступку: спасение раненого немца: "Никогда не забуду и не хочу забыть, как было со мной в Сталинграде... Самые-самые бои. Тащу я двух раненых. Одного протащу - оставляю. Потом другого... И так тащу их по очереди. И вдруг, когда я подальше от боя отползла, меньше стало дыма. Вдруг я обнаруживаю, что тащу одного нашего танкиста и одного немца... Я была в ужасе: там наши гибнут, а я немца тащу. Там, в дыму, не разобралась, одежда на них полусгоревшая, оба стонут, они же не разговаривают. Никак не разберешь. А тут я разглядела, что чужой комбинезон, все чужое. Что делать? Я протащила нашего раненого и думаю: "Возвращаться за немцем или нет?" А уже близко оставалось тащить. И я знаю, что если я его оставлю, то он через несколько часов умрет. Он истечет кровью. И я поползла за ним. Я продолжала тащить обоих..."

Теперь, когда вспоминаю этот случай, не перестаю удивляться самой себе. Это же самые страшные бои шли. Когда я видела фашистов мертвых, я радовалась, была счастлива. А тут? Я - врач, я - женщина... И я жизнь спасала... Мир спасала..."

С этой, осознанной или неосознанной мыслью - спасти мир, спасти жизнь дорогих и близких людей, шли героини С. Алексиевич на войну. И ее книга - коллективный памятник той особой женской правде о войне, которую может быть, знать неприятно, тяжело, но и необходимо.

Героиня Николая Некрасова, Лида Олинцова, так же как и героини С. Алексиевич, попала на фронт девочкой, убирала за ранеными, подавала снаряды, стреляла. И лучшие страницы романа связаны с

правдивым изображением самой страшной стороны войны - ранениями и смертью. Но почему мы, понимая героиню Н.Никонова, не всегда ей сопереживаем? Почему не всегда образуется обратная связь между читателем и книгой? На наш взгляд, одной из причин этого может быть следующее. Взяв за отправную точку романа несовместимость понятий женщина и война, Н.Никонов затем значительно сузил эту тему до размышлений о взаимоотношениях полов на войне. Безусловно, наша точка зрения не является бесспорной, и этот момент в обсуждении книги Н.Никонова может быть достаточно острым. Но постепенно обсуждение этой проблемы можно подвести к 4 вопросу:

4. Женщина на мужской войне. Что за этим стоит у С.Алексиевич? У Н.Никонова?

Любить для человека гораздо естественнее, чем воевать. И на войне люди встречались, влюблялись, да и женились, бывало. Однако ни одна из героинь // С.Алексиевич не рассказывала и не вспоминала о том, какие романы у нее были на фронте, или как на нее смотрели мужчины. Конечно, были молодцы, конечно, случалось влюбиться. Но не это было для них главным во взаимоотношениях с мужчинами. Главным было целомудренное чувство, сестринское чувство жалости к мужчинам, тянувшим на плечах все основные тяготы войны. И мужчины, в воспоминаниях героинь книги "У войны не женское лицо" относились к ним удивительно бережно, заботливо. Например, из воспоминаний А.С.Масаковской, повара: "...Кашу варила, солдатский суп. Тягала котлы, баки. Тяжелые-тяжелые... Командир, помню, говорил: "Я бы пострелял эти баки... Как ты рожать после войны будешь?" И однажды взял все баки пострелял. Пришлось в каком-то поселке искать баки поменьше."

Или еще одно свидетельство дорогого для нас фронтового братства: "На фронте мужчины относились к нам изумительно, они оберегали нас, я не встречала в мирной жизни, чтобы они так относились к женщинам. Когда отступали, ляжем отдохнуть - земля голая, они сами в гимнастерках лягут, а нам отдадут свои шинели: "Девчонок, девчонок надо укрыть... "Найдут где-то кусочек ваты, бинта: "На, возьми, тебе пригодится... "Сухарик последний поделят. Кроме добра, кроме тепла, мы ничего другого не видели". Не найти нам в книге С. Алексиевич того "томления плоти", которым мучаются почти все героини и персонажи романа "Весталка". Может быть, кривят ее героини душой, не хотят говорить правду? Но вот перед нами еще одно свидетельство. Николай Борисович, фронтовик, случайный попутчик писательницы рассказывает: "Среди фронтовых девчонок было много красивых... Но мы не видели в них женщин, хотя на мой взгляд, это были чудесные девушки. Однако, мы смотрели на них, как на друзей.

- Они вам не нравились?

- Что значит "не нравились"? Это были наши подружки, которые вызолакивали нас с поля боя... Как я мог к ним плохо относиться? Но могли бы вы выйти замуж за брата? Это были наши сестренки... "

Роман Н. Никонова не может не подкупать нас, читателей, тем подлинным авторским интересом к своей героине, который позволяет автору находить искренние, взволнованные слова, когда речь идет о ее судьбе. Но, как ни странно, больше всего Н. Никонова занимает не собственно война и собственно трагедия женской души на войне, а те проблемы, связанные с "зовом плоти"⁹⁰, которые постоянно решает главная героиня. Именно мужской "прицельный взгляд" писателя

объясняет то любование трепетом женской плоти, которое отнюдь не свойственно самой женщине. Даже сцена в госпитале для раненых с челюстно-лицевыми ранениями звучит прямо противоположно тому, как задумал писатель: "Вдруг его /тяжелораненого, Т.М./ рука легла мне на колено. Я замерла, не зная, как мне поступить, а он быстро-быстро провел рукой по колену, сдвинул юбку, и почувствовала с жаром стыда, как рука его гладит мой чулок и круглую резинку на нем... Потом он вздохнул и отвел руку... Принесите мне пить, - сказал раненый"

С новой правдой о женской войне, которую постарался сказать Н. Никонов, спорили и профессиональные критики, и бывшие фронтовички. Как нам кажется, обсуждение двух книг "У войны не женское лицо" и "Весталка" можно подвести к следующему итогу.

Книга С. Алексиевич покоряет нас глубиной и честностью. Жанр, избранный ею, оказывается плодотворнее в данном случае, когда речь идет о "белых пятнах", связанных с участием женщин на войне. Авторская концепция, основанная на художественном осмыслении фактов, как это получилось с Н. Никоновым, оказалось значительно бледнее и уже первоначального замысла. Что же касается жанра, в котором написана книга С. Алексиевич, то у него есть огромное преимущество перед другими жанрами. Ему дано добывать глубинные пласты, залежи психологии, правды народной жизни открытым способом. Сама жизнь, обнажившаяся, взорванная страшными противоречиями 20-го века говорит со страниц книги. Или, пользуясь словами А. Адамовича: "Трагическая гениальность самой жизни, загнанной в тупик, лицом к лицу с мукой хатынской, блокадной, концлагерной, фронтовой и иной смерти, как бы случайно прорвавшейся через память слова человека вполне обыкновенного."

Обобщим мероприятием по теме: "Белые пятна" Великой Отечественной войны" на материале художественной литературы может стать читательская конференция, посвященная итогам и перспективам развития военной темы в современной литературе.

Подготовку к данной конференции мы советуем производить поэтапно. Предложенные вам в данных рекомендациях материалы вы можете использовать по своему усмотрению, в порядке, наиболее приемлемом для вас.

Однако советуем обратить внимание на некоторые моменты подготовки к конференции. Вопросы, предложенные для обсуждения на конференции, публикуют в пригласительном билете. Обязательным моментом в подготовке и проведении конференции должна стать книжная выставка по одноименной теме.

Мы рекомендуем вести разговор на этой конференции по следующим направлениям:

1. В чем состоит новизна взгляда на Великую Отечественную войну и на проблему человека на войне, предложенные в произведениях, которые были опубликованы в последнее время? Сравните эти произведения с литературой о войне сороковых - пятидесятих и шестидесятих - семидесятих лет.
2. Какие традиции и тенденции военной литературы предшествующих периодов получили плодотворное развитие сегодня? Какие идеи и представления не выдержат испытания временем?
3. Как относится новый взгляд историков на Великую Отечественную войну с художественной картиной войны? Как в современной лите-

ратуре о войне проявилось противостояние двух версий отечественной истории: официально-парадной и неприкрыто трагической?

4. Какие "запретные зоны" открылись в современной литературе о войне? Как эти новые факты влияют на общее представление о Великой Отечественной войне? Нужна ли нам эта правда?
5. В чем вы видите перспективные линии развития литературы о войне? Какие вопросы остаются нерешенными? Какие проблемы требуют переосмысления? Чего вы ждете от новых произведений о Великой Отечественной войне?

Подводя итоги конференции, можно предложить ее участникам в письменной форме сформулировать свое мнение о конференции и передать отзывы в библиотеку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. - М.: Сов. писатель, 1982
2. Анджеевский Ежи Страстная неделя: Повесть // Нов. мир. - 1989. - №12
3. Ардаматский В. Ленинградская зима: Повесть. - Л.: Лениздат, 1986. - 270с. - (Б-ка молодого рабочего)
4. Астафьев В. П. Не знает сердце середины: Беседы с писателем В. П. Астафьевым / Записал Е. Дворников // Правда. - 1989. - 30 июня
5. Астафьев В. П. Добреньким быть не могу: Интервью с корреспондентом ж. "Огонек" // Трава после нас. - М., 1988. - С. 17-29
6. Астафьев В. П. Да пребудет вечно - Ах, война, война... Болеть нам ею - не переболеть, вспоминать ее - не перевспоминать! // Лит. газ. - 1987. - №41. - С. 12
7. Быков В. В тумане: Повесть // Дружба народов. - 1987. - №7. - С. 3-61

Рецензии на повесть В. Быкова

8. Дударев А. При свете правды // Лит. газ. - 1987. - №29. - С. 4
9. Лазарев Л. Преодоление // Октябрь. - 1987. - №12. - С. 176-183
10. Огнев В. Три судьбы // Знамя. - 1987. - №11. - С. 226-229
11. Оскоцкий В. Логике недоверия // Нов. мир. - 1988. - №2. - С. 229-236
12. Воробьев К. Память горькая и чистая: фрагменты записей и переписки читателя / Публ. подгот. В. Новиков // Правда. - 1988. - 31 окт.
13. Воробьев К. Д. Убиты под Москвой. Это мы, господа!...: Повесть. - М.: Худож. лит., 1987. - 157с.

Рецензии на повесть К. Воробьева

"Это мы, господа..."

14. Пахомов Д. Выстоять!//Знамя. -1986. -Кн. 5. -С. 216-217
15. Джичоева В. Из жизни - жизни//Лит. обозрение. -1987. -№5. -С. 50-53
16. Дементьев В. //Москва. -1987. -№5. -С. 183-194
17. Камянов В. преодоление//Новый мир. -1987. -№5. -С. 253-258
18. Кондратьев В. Кругами ада//Лит. газ. -1986. -10 дек. -С. 4
19. Василевский А. Разорение//Новый мир. -1989. -№3. -С. 245-246
20. Вульфович В. Там, на войне: Повесть//Нов. мир. -1986. -№6. -С. 134
21. Генатулин А. Туннель: Повесть//Знамя. -1987. -№12
22. Гроссман В. Жизнь и судьба//Октябрь. -1988. -№1-4
23. Кардин В. Виктор Некрасов и Дрий Керженцев: 0 повести "В окопах Сталинграда и о ее авторе//Вопр. лит. -1989. -№4
24. Карпов В. Полководец: Роман//Знамя. -1989. -№9-12
25. Кондратьев В., Штокман И. Знать всю правду: Беседа В. Л. Кондратьева и И. Г. Штокмана//Ветеран. -1988. -№24. -С. 8-9
26. Кондратьев В. Л. О войне написано не все...//Библиотекарь. -1986. -№5. -С. 24-27
27. Кондратьев В. Эхо второй мировой//Иностран. лит. -1989. -№6. -С. 115-116
28. мочарский К. Беседы с палачом//Знамя. -1987. -№5. -С. 79-127
29. Нестеров А. Блокадник: Повесть//Москва. -1987. -№11. -С. 75-114
30. Ортенберг Д. 1942-ой: рассказ-хроника//Москва. -1988. -№2-3
31. Ржевская Е. Берлин, май 1945: Повести. -М.: Правда, 1988. -480с.
32. Ржевская Е. Жив, браток?: Рассказ//Новый мир. -1987. -№5
33. Ржевская Е. В тот день, поздней осенью//Знамя. -1986. -№12
34. Приставкин А. Ночевала тучка золотая: Повесть//Знамя. -1987. -№3-4

35. Приставкин А. Кукушата: Повесть//Юность. -1989. -№11-12
36. Самойлов Д. Люди одного варианта: Повесть//Аврора. -1990. -№1-2
37. Стаднюк И. Москва, 1941-й: Роман. Кн. 2: Меч над Москвой//Мол. гвардия. -1989. -№5-6

Рекомендуемые материалы к дискуссии по роману

В. Гроссмана "Жизнь и судьба"

I. Материалы к биографии В. С. Гроссмана

1. В. С. Гроссман: произведения и литература о творчестве за 1959-1988/ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. -Л., 1989
2. Губер Ф. Память и письма: о писателе В. Гроссмане//Труд. - 1989. -20 окт.
3. Виноградов И. Особый путь?: о писателе В. Гроссмане//Москов. новости. -1989. -№38. -С. 16
4. Бочаров А. Время собирать камни: "Малая проза В. Гроссмана"//Вопр. лит. -1989. -№7. -С. 3-38
5. Гроссман Е. В. Василий Гроссман: Я прежде всего писатель, пишущий на военную тему/Беседу вела К. Храмова//Студ. мередиан. -1989. -№4. -24-27
6. Войнович В. Жизнь и судьба Василия Гроссмана и его романа//Кн. обозрение. -1989. -№4. -С. 9
7. Дедков И. Жизнь против судьбы: о прозе В. Гроссмана//Нов. мир. - 1988. -№. . -С. 229-241
8. Липкин С. Истинные поэты всегда пророки: о В. Гроссмане и его сталинградской дилогии//Ветеран. -1988. -№31. -С. 8
9. Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана: Страницы из вос-

- поминаний//Лит. обозрение. -1988. -№6. -С. 96-107
10. Василий Гроссман: жизнь и судьба: (Материалы)//Лит. газ. -1988. -№9. -С. 2-3
 11. Письменный А. Из воспоминаний о Василие Гроссмане//Кн. обозрение. -1988. -№5. -С. 3
 12. Семин В. Ответственность памяти: о В. Гроссмане//Что истинно в литературе. -М., 1987. -С. 22-26
 13. Таратута Е. Честная жизнь и тяжкая судьба. Воспоминания о В. Гроссмане//Огонек. -1987. -№40. -С. 22-23
 14. Гроссман Василий. Из записных книжек/Василий Гроссман: Публ. и примеч. Е. Коротковой-Гроссман/Вступ. заметка А. Бочарова//Вопр. лит. -1987. -№6. -С. 157-177

II. Материалы по роману В. Гроссмана "Жизнь и судьба"

1. Бавин С. П., Гурбаликова О. А. Книги, которые читают все: Библиогр. очерки о "Жизни и судьбе" В. Гроссмана. -М., 1989. -С. 138-156
2. Гроссман В. Жизнь и судьба: Роман//Октябрь. -1988. -№1-4
3. Годковская Е. Преодоление//Лит. обозрение. -1989. -№6. -С. 24-34
4. Губер Ф. Возвращение романа Василия Гроссмана//Кн. обозрение. -1989. -№10. -С. 8-9
5. Липовецкий М. Единоборство: о романе Василия Гроссмана "Жизнь и судьба"//Урал. -1989. -№3. -С. 161-171
6. Е. В глубину ядра (неугасимое пламя)//Лит. обозрение. -1989. -№2. -С. 20-37
7. Эльяшевич А. Приглашение к разговору//Звезда. -1989. -№1. -С. 168-186

8. Карпов А. День нынешний и день минувший//Полит. образование. -1989. -N1. -С. 96-102
9. Кузичева А. Вечерний свет "Жизни и судьбы"//Кн. обозрение. -1989. -N2. -С. 5
10. Липкин С. Истинные поэты всегда пророки//Культура и жизнь. -1988. -N12. -С. 6-7
11. Дерков И. Жизнь против судьбы//Новый мир. -1988. -N11. -С. 229-241
12. Аннинский Л. Мирозданье Василия Гроссмана//Дружба народов. -1988. -N10. -С. 253-263
13. Кулиш В., Оскоукий В. Эпос войны народной: Диалог о романе В. Гроссмана "Жизнь и судьба"//Вопр. лит. -1988. -N10. -С. 27-87
14. Лазарев Л. Дух свободы//Знамя. -1988. -N9. -С. 218-229
15. Ришина И., Егоров А. Лишь тот достоин жизни и свободы...//Лит. газ. -1988. -N34. -С. 5
16. Панков А. Трагическое прозрение: Заметки о романе "Жизнь и судьба"//Лит. Россия. -1988. -N27. -С. 8-9
17. Белль Г. Способность скорбеть//Новое время. -1988. -N24. -С. 36
18. Кардин В7 Жизнь - это свобода//Огонек. -1988. -N23. -С. 21-24
19. Карпов А. Народ бессмертен//Правда. -1988. -4 июля
20. Золотоусский И. Война и свобода//Лит. газ. -198. -N23. -С. 4
21. Спивак П. Дым Отечества//Моск. комсомолец. -1988. -1 июля
22. Борщаговский А. Жизнь - это свобода//кн. обозрение. -N19. -С. 3
23. Бочаров А. Болевые зоны//Октябрь. -1988. -N2. -С. 104-109; его же: Судьба народная. -там же. -N3. -С. 150-156; его же "Часть правды - это не правда...". -там же. -N4. -С. 143-148

Интервью с писательницей Св. Алексиевич

1. Лит. газ. -1987. -11 марта. -С. 5
2. Проф. -тех. образование. -1987. -№3
3. Трезвость и культура. -1987. -№3
4. Сов. торговля. -1986. -27 нояб.
5. Сов. профсоюз. -1986. -№23. -С. 14-15
6. Сов. культура. -1986. -20 марта. -С. 8
7. Мол. коммунист. -1985. -№10. -С. 80-85
8. Лит. газ. -1985. -6 марта. -С. 6
9. Театр. -1984. -№7. -С. 2-5

Материалы по книге С. Алексиевич

"У войны не женское лицо"

- Кондратьев В. Знать бы раньше//Лит. газ. -1984. -2 мая. -С. 4
- Скарлыгина Е. Еще одна война//Лит. обозрение. -1984. -№11. -С. 41-43
- Новикова Л. //Дон. -1985. -№1. -С. 162-163
- Гусаров В. Дожди Родины//Москва. -1985. -№5. -С. 190-191
- Ларин С. Тяжелая память//Новый мир. -1986. -№6. -С. 253-257
- Адамович А. Становление жанра//Лит. газ. -1985. -22 мая. -С. 8
- Адамович А. Предисловие к книге С. Алексиевич "У войны не женское лицо" и "Последние свидетели". -М.: Сов. писатель, 1989
- Никочов Н. Весталка: Роман//Урал. -1986. -№3-5; 1987. -№4-5.
- Полухина Л. Хранительница очага//Лит. газ. -1987. -№25. -С. 4. Рец. на кн. Никочов Н. Весталка: Роман
- Ткаченко Н. Намерения вопреки//Красная звезда. -1987. -16 окт.

Составитель: Михайлова Т. А.

Ответственный за выпуск: Директор СОММБ Новопашина Т. Х.

"Белые пятна" в истории Великой Отечественной войны: Метод. рекомендации по подготовке и проведению читат. конференции/СОММБ; Сост. Михайлова Т. А. -2-е изд. -Екатеринбург, 1994. -35с.

Адрес библиотеки: 620219, г. Екатеринбург, ГСП-637

ул. Бардина, 28; тел. 28-44-55, 43-17-00, 28-26-52